

И. Н. РОЗАНОВ

«ВСТРЕЧИ С БРЮСОВЫМ»

Предисловие и публикация Е. А. Кречетовой

Иван Никанорович *Розанов* (1874—1959) — советский ученый-литературовед, много занимавшийся изучением русской лирической поэзии, проблемами поэтического стиля, стихосложения, исследованием творческих связей книжной и народной лирики. Воспитанник Московского университета (1895—1899), Розанов начал свою научную деятельность в студенческие годы. С 1918 по 1958 г. Розанов был профессором Московского университета, в разные годы преподавал также в Народном университете им. А. Л. Шанявского, в Литературном институте Союза писателей СССР и во многих других вузах, до конца своих дней занимаясь воспитанием научных работников в области истории русской литературы.

Больше всего ученый известен как неутомимый исследователь истории русской лирики. Его книга «Русская лирика» (М., «Задруга», 1914) — основной дореволюционный труд ученого — дает анализ русской поэзии в ее историко-художественном развитии от последних десятилетий XVIII столетия и до пушкинской поры. В этой книге наряду с характеристиками творчества таких крупных поэтов, как Херасков, Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков, раскрывались особенности художественной манеры малоизвестных читателям Николая Николаева, Гаврилы Каменева, Василия Попугаева, Владимира Филимонова, Валериана Олипа, Михайла Милонова и других, что открывало новую страницу в русском литературоведении. В книге давалась также новая для тех времен характеристика творчества поэтов-радищевцев. Проблемы истории русской поэзии Розанов разрабатывал и в первые десятилетия после Великого Октября. В это время выходят его книги «Пушкинская плеяда» (М., «Задруга», 1923), «Н. А. Некрасов. Жизнь и судьба» (Пг., «Колос», 1924), «Поэты двадцатых годов XIX века» (М., ГИЗ, 1925), «Литературные репутации» (М., «Никитинские субботники», 1928), «Русские лирики» (М., «Никитинские субботники», 1929), «Лермонтов — мастер стиха» (М., «Советский писатель», 1942).

В течение всей своей жизни Розанов интересовался не только историей развития русской лирики, но и современным ему поэтическим творчеством. С огромным интересом занимался ученый проблемами устной народной поэзии, массовой лирической песни, взаимосвязями между произведениями поэтов и народной лирикой.

Добрую, неувядаемую память оставил по себе Розанов как книговед. Он был инициатором организации отдела истории книги в научной библиотеке Государственного Исторического музея, долгие годы руководил этим отделом. Розанов всю жизнь сам собирал книги и создал богатейшую личную библиотеку. В этой библиотеке, посвященной русской лирике от ее возникновения до наших дней, собраны прижизненные издания поэтов, сборники стихов малоизвестных лириков. Розановское замечательное поэтическое собрание стало по воле ученого народным достоянием. Его вдова, Ксения Александровна Маршневская, передала библиотеку в 10 000 томов в дар Государственному музею А. С. Пушкина в Москве.

Коренной москвич, Розанов впервые встретился с Брюсовым в студенческие годы. Они виделись в стенах университета и на заседаниях литературного кружка, их влекла друг к другу и сближала общая любовь к поэтическому слову, к книге. Кружок, в котором они встречались, как вспоминает Розанов, был образован из студентов различных факультетов и даже других учебных заведений. Собрания происходили в разных местах, чаще всего на квартирах участников. Одно из них состоялось у Брюсова. Встречи и беседы Розанова с Брюсовым всегда были далеки от житейских, бытовых дел и но-

сили чисто литературный характер. Книги, стихи, поэтическое творчество были главными темами бесед молодого поэта и будущего ученого. Тем они и интересны.

В речи на своем юбилее (70-летие со дня рождения, 23 октября 1944 г.) Розанов рассказал, что именно Брюсов первый вызвал у него мысль о работе над историей русской лирики: «На обложке одной из книжек Брюсова было перечислено, что им опубликовано и что предполагается издать. Между прочим было помечено: «История русской лирики — готовится». Это объявление меня очень заинтересовало. Прошло несколько лет, но предполагаемая книга не появилась. Я как-то спросил у Валерия Яковлевича, когда он приступит к этой работе. Он ответил, что уже оставил эту мысль, занят другим. В то время стала выходить «Русская поэзия» С. Венгерова. Вместо обещанных четырех томов вышел всего один. Не дожидаясь окончания венгеровской работы и видя, что Брюсов уже оставил свое намерение, я решил заняться русской поэзией от Пушкина до наших дней. В процессе работы мои интересы расширились и пошли вглубь...» (цит. по стенограмме, хранящейся в архиве Розанова).

Начавшиеся в 1890-е годы встречи Розанова с Брюсовым продолжались до последних дней поэта. В библиотеке Брюсова хранится несколько книг, подаренных ему Розановым. Характерна надпись, сделанная автором на книге «Русская лирика», которую он принес поэту 21 февраля 1914 г.: «Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от автора на память об одном студенческом литературном кружке». Через 10 лет, 30 марта 1924 г., даря Брюсову свою книгу «Пушкинская плеяда», Розанов делает на внутренней стороне обложки знаменательную надпись: «Поэту — вождю и законодателю, Валерию Яковлевичу Брюсову с тридцатилетней (почти) и искренней приязнью Ив. Розанов».

В течение всей жизни Розанов вел дневник, в котором сохранились подробные записи о встречах и разговорах с Брюсовым. Свои воспоминания Розанов писал вскоре после смерти поэта, готовясь к выступлению на вечере его памяти в «Никитинских субботниках». При этом он широко пользовался своими дневниковыми записями. Приведем некоторые отрывки из записей, сделанных в октябре-ноябре 1924 г.:

«9 октября. Утром узнал о смерти Валерия Брюсова. Вечером в Литературной студии всю свою лекцию посвятил Брюсову».

«12 октября. День похорон Брюсова...»

«18 октября. Пошел в ГАХН <Государственную Академию художественных наук> на вечер воспоминаний о Брюсове. Доклады П. С. Когана, Г. И. Чулкова, Юр. Верховского. Стихи С. Городецкого и последние стихи Брюсова, прочитанные Надеждой Яковлевной Брюсовой. Ушел перед концертным отделением вместе с Н. К. Пиксановым...»

«21 октября. Утром лекция на третьем курсе Института слова. Говорил о Брюсове».

«25 октября. Нашел записи о первой встрече с Брюсовым. Стал искать другие записи. Нашел одну подробную 1914 года — это первое посещение Брюсова на Мещанской».

«4 ноября. Утром обдумывал Брюсова».

«15 ноября. На «Никитинских субботниках» — воспоминания о Брюсове. Все утро писал о Брюсове. В 9 часов — туда. Порядок: С. В. Шувалов — о сборнике «Меа». Я. В. перерыве меня благодарили за доклад. Затем — Л. П. Гроссман о Брюсове в Коктебеле. Читали стихи, посвященные Брюсову, — Вера Ключева, В. Кириллов, Б. Зубакин, И. А. Новиков».

Воспоминания публикуются по оригиналу, хранящемуся в архиве И. Н. Розанова. Приносим благодарность К. А. Марциневской за любезно предоставленную рукопись воспоминаний и за разрешение ознакомиться с дневниковыми записями.

Стихи, встречающиеся в тексте воспоминаний, Розанов цитировал по памяти. Случайно вкравшиеся негочности в цитатах исправлены без оговорок.

И. Н. РОЗАНОВ
Фотография, 1920-е годы
Собрание К. А. Марцишевской,
Москва

1

«Встречаться» — глагол залога взаимного. Ничего не поделаешь, говоря о Брюсове, придется говорить и о самом себе.

Для меня Брюсов был одним из моих учителей, одним из тех, кто оказал на меня известное влияние в юности. Для большинства он прежде всего автор, человек, выпустивший много книг, поэт, написавший больше стихотворений, чем вся пушкинская плеяда, взятая вместе. Брюсов как автор имел для меня значение, но не очень большое. Многие хорошо знают Брюсова как администратора, организатора, делового человека. Эта сторона его жизни меня также мало занимала, и на этом поприще судьба меня никогда с ним не сводила. Еще меньше интересовался я его частной жизнью, его романами, сплетнями на его счет, его житейским обликом, мелочами жизни; я до сих пор не знаю, какие папиросы он курил и курил ли вообще. Я никогда не видал Брюсова захмелевшим или в пирующей компании. Ни интимной дружбы, ни житейски-обиходной близости между нами не было. Я знал его очень давно, но встречался с ним не особенно часто. Никаких материальных выгод, никакой практической пользы, если не считать взаимной помощи книгами, ни он, ни я из нашего знакомства не извлекли. Но это-то и было хорошо. Наши отношения ограничивались беседами, и беседы эти никогда не спускались до мелочей жизни, до житейского обихода.

Надежным цементом при наших встречах была общая нам любовь к поэзии. Об этом мы почти исключительно и говорили.

Нам приходилось

Встречаться только на вершине,
Где ослепительны снега,
И знать, что дали вечно сии
И недоступны берега¹.

Благодаря этому его мужественный нравственный облик, облик борца с литературной пошлостью, остался в моих глазах цельным и незаменным никакой житейской прозой.

Наши литературные вкусы далеко не всегда сходились, но обыкновенно беседы с ним заставляли меня еще раз пересматривать свое отношение к тому или другому поэту, а иногда и переходить на его сторону.

Итак, не Брюсов — поэт, не Брюсов — автор историко-литературных статей, а Брюсов — собеседник был в числе моих учителей.

2

В МОРОЗНУЮ ФЕВРАЛЬСКУЮ НОЧЬ

Конец февраля². Недалеко и до жаворонков. Но совсем не похоже. Как будто глубокая зима. Морозно. Ветрено. Час ночи. На улицах пустынно. По Арбатской площади, по направлению к Воздвиженке, идут трое: один штатский, двое других в студенческой форме. Штатский ежится. Ему особенно холодно. Он в осеннем пальто без воротника и к тому же южанин. Студенты — коренные москвичи.

Ветер сметает снег с крыши прямо в лицо; по тротуарам то ползут, то взлетают снежные полосы. Но разговор идет не о погоде и не о политике. Сначала о Лейбнице.

Все трое — филологи. Штатский писал когда-то в университете сочинение на золотую медаль о Лейбнице, теперь он сотрудник «Вестника воспитания», где помещает статьи вроде «Шопенгауэр для детей», «Виктор Гюго как поэт семьи и школы». В редакции его очень ценят, но большой публике он совсем не известен. Наоборот, один из студентов, кончающий, который недавно подавал кандидатское сочинение своему профессору Лопатину о том же Лейбнице³, очень всем известен, но его никто не ценит. Другой студент — первокурсник. Он нигде еще не напечатал ни одной строчки, о Лейбнице знает только из вторых рук и к двум своим старшим спутникам относится с внутренним уважением, может быть, с большим, чем к своим профессорам: те уже сказали свое слово, а эти?!

Молодые люди возвращаются по домам после заседания литературного кружка, где-то в Филипповском переулке. В этот вечер штатский был председателем.

От книг по Лейбницу разговор переходит на другие книги. «Ужасно трудно, — жалуется кончающий студент, — доставать сочинения наших старых, забытых поэтов. Я сейчас собираю материалы для истории русской лирики, но некоторых поэтов XVIII века не могу достать». В это время молодые люди повернули на Воздвиженку. Первокурсник, который более слушал и спрашивал, чем сам высказывался, напомнил о существовании «Русской поэзии» Венгерова, где собраны поэты XVIII века.

«Но ведь там многого нет», — живо возразил старший студент. Сотрудник «Вестника воспитания» тотчас его поддержал. «Венгеров годится только для первоначального ознакомления», — мягким и деликатным тоном заметил он первокурснику.

«И как раз нет у Венгерова самого лучшего, — продолжал кончающий студент. — Например, отсутствуют притчи Хераскова, а это его самые ценные произведения. Херасков вообще был замечательным писателем, а у нас его совсем не ценят и не знают».

Штатский опять поддержал его: «Хераскова я мало знаю, но действительно мы часто не умеем хранить наших культурных ценностей».

Эти два спутника, столь солидарные в эти минуты, за две недели перед тем горячо спорили и ни в чем решительно не сходились, когда речь шла о современной поэзии. Впоследствии они стали заклятыми литературными противниками. Всем памятно, конечно, важнейшие моменты этой лите-

ратурной вражды — и статья Айхенвальда против Брюсова⁴. А из стана Брюсова памятна, вероятно, еще более резкая статья Ходасевича против Айхенвальда о «пересахаренном Пушкине»⁵. Штатский был Айхенвальд, кончающий студент — Брюсов, первокурсник — я.

«А какие хорошие рифмы были у Хераскова, — не унимался Брюсов, — у него обычно рифмуют и согласные, находящиеся под ударением».

Полгода тому назад Брюсов делал доклад о «левизне рифм у Пушкина» в Пушкинской комиссии, последний его доклад, который я слышал⁶. Кто-то из оппонентов пренебрежительно отозвался о Хераскове. «Вы ошибаетесь, — отвечал Валерий Яковлевич, — как раз у Хераскова-то рифмы обычно бывают звучные: он обращал внимание и на предшествующие согласные».

В эту минуту передо мной опять воскресло далекое прошлое. Конец февраля. Ночь. Воздвиженка. Метелица. Ежившийся Айхенвальд, как будто хотевший уйти с головой в поднятый вершковый воротник осеннего пальто, и Брюсов, говоривший то же самое о рифмах Хераскова.

То не была моя первая встреча с Брюсовым.

3

ИЗ ЗАПИСЕЙ

«Суббота 15 февраля (год не обозначен?). Вечером к Фохту⁸. Реферат о Бальмонте. Разговор с Брюсовым. Мое знакомство с ним... Викторов⁹, Айхенвальд, Фохт, Кильчевский¹⁰ и др. Айхенвальд о символизме. Он же о Бальмонте: «Этот поэт по таланту карлик, но с большими претензиями».

И еще две записи, сделанные, очевидно, позднее.

Одна озаглавлена: «Брюсов о символизме (споры его с Айхенвальдом, Кильчевским, Фохтом)».

«Цель поэзии возбуждать настроение, а никак не чувство добра. — Вы твердо убеждены, что добро действительно существует? — спросил он у Кильчевского. — Цель поэзии возбуждать такое настроение в читателе, которое ничем иным, кроме как поэзией, возбуждено быть не может. Мир поэзии ни в коем случае не мир действительности — и существует только в душе поэта и только для поэта. То, что излито в стихах, уже теряет свою силу. Тютчев сказал: «Мысль изреченная есть ложь».

Итак, читатели не могут получить от стихов того настроения, которое является целью поэзии. — Зачем же тогда символисты пишут стихи? Затем, что если теперь, при данном состоянии языка, невозможно выразить поэтического настроения, то эта невозможность не будет же продолжаться вечно. Виртуозностью языка, искусным употреблением слов можно достигнуть того, что язык будет уметь выражать и чувства. Это цель, к которой стремится символизм¹¹.

Айхенвальд заметил, что декадентство возбуждает всюду насмешки, что служит верным доказательством его несерьезности и недолговечности: новое серьезное направление может возбуждать вражду, но не насмешки. Брюсов сослался на романтизм.

Другая запись от того же числа озаглавлена: «Брюсов в разговоре со мной о будущности русской поэзии». Заглавие не соответствует записи. Как раз о будущности ничего не написано. Просто о русских поэтах. Вот что записано:

«По мнению Брюсова, в России было три великих поэта: Пушкин, Баратынский и Тютчев. Из них всех выше Тютчев. Из поэтов последующего времени всех талантливее Майков, затем идут Фет, Алексей Толстой и, наконец, Полонский. Все это истинные поэты. У каждого истинного поэта есть истинно поэтические места или произведения, которые никогда не потеряют значения».

О современных поэтах Брюсов высказался, что из всех из них, взятых вместе, мог бы составить один хороший поэт. Они люди не без дарований, но односторонние (Минский, Мережковский, Гиппиус, Фофанов). «Минский — рассудочный философ, Мережковскому иногда удается красивая форма, у Гиппиус есть маленькое, но живое чувство. . .» Из современных поэтов всех талантливее Александр Добролюбов».

В этой записи любопытно довольно неожиданное предпочтение Майкова перед Фетом. С точки зрения символизма следовало бы наоборот. И в своей книге «Далекие и близкие» Брюсов очень высоко ставит Фета и замалчивает Майкова. Этого требовала школа и цельность книги. Но книги и направления одно, а натура другое. По натуре, по разнообразию интересов, по склонности блуждать по векам и народам, по своей природной тяге к парнасизму Брюсов, конечно, был ближе к Майкову, чем к Фету.

Но почему я тогда так заинтересован был Брюсовым, что при первом же знакомстве стал разузнавать об его мнениях и потом дома записал? Потому что за несколько месяцев до этого я почувствовал в нем «вождя».

4

Когда я был студентом первого курса, в это время в университете был Валерий Брюсов. Я знал, что среди студентов есть группа лиц, занимающихся поэзией, что там был, как говорили, «король декадентов» Брюсов, над которым все смеялись и издевались. Меня его личность очень заинтересовала, я очень хотел его увидеть, и это был первый поэт, которого я увидел. До тех пор я ни одного поэта не видел.

Через некоторое время я познакомился с Брюсовым при совершенно необычной обстановке. Это, кажется, в литературе о Брюсове не отмечено. Была годовщина коронации, оставившей печальную известность, потому что было много погибших на Ходынке. И вот студенты устроили демонстрацию по поводу этой годовщины ¹².

У ворот университета против манежа кучки студентов. И недаром манеж против университета. Это как Петропавловка против Зимнего. Чтобы поддерживать власть имущих и привилегии привилегированных, необходимо некоторых людей арестовывать и куда-нибудь уводить. Вот и сейчас. На глазах. Только что провели в манеж оцепленную городовыми и конными жандармами толпу студентов, очевидно для того, чтобы другие могли спокойно продолжать слушание своих лекций. Однако у Ключевского, самого популярного на филологическом, куда набивались со всех курсов и факультетов, было просторно. Необычно и жутко. На перемене сдержанные, отрывистые разговоры. Передают: была демонстрация. Но плохо оповестили. Многие не знали. Говорят, где-то студентов избивали. Напряжение растет, требует выхода. Прежде всего буквально: выхода из здания, на улицу, посмотреть. Академисты остаются на профессора Шварца, слушать, как бесчисленные немецкие комментаторы будут дополнять и видоизменять интерполиацию в тексте греческого автора, предположенную одним из их предшественников ¹³.

У ворот небольшие группы студентов, по два, по три. Вижу Брюсова. Я его знал в лицо, знаком не был. Провели в манеж еще партию арестованных. Один студент без шапки, в надорванной шинели. Что они там будут с ними делать? Положение невыносимое. Все равно, нельзя, преступно, подло быть только зрителями. Вижу, Брюсов начинает обходить кучки. Что-то говорит. Подходит к нашей. Убеждает, нет не убеждает, а вслух говорит то, что многие из нас думают про себя. «Чем больше будет арестованных, тем меньше наказание. Необходимо добровольно присоединиться к ним, пойти сказать, что мы солидарны с теми, просить, чтобы и нас пустили в манеж». Через несколько минут двадцать человек, во гла-

БРЮСОВ-СТУДЕНТ

Фотография Шерера и Набогольца.
Москва, 1895

Центральный архив литературы
и искусства СССР, Москва

ве с Брюсовым, перешли Моховую по направлению к дверям манежа. Остальные — человек сорок или больше — продолжали быть зрителями, оставаясь по ту сторону Моховой. Двери манежа оказались открытыми для входа туда, только оттуда не пропускали. Там нас встретили товарищи — возбужденные, шумные. Дружески приветствовали. В манеже продержали нас до ночи, по очереди устанавливали личность каждого. За столом сидели пристава, педель¹⁴, шпики.

Очередь дошла до меня. Наш педель Грачев назвал приставу мою фамилию. Шпик порылся в своих бумагах. Дал какой-то условный знак приставу. Тот: «Можете идти...» Некоторых отсылали к другому столу для более подробных объяснений.

Как обстояло дело с Брюсовым — не знаю. С этого дня я стал смотреть на Брюсова, как на прирожденного вождя.

У нас принято думать, что в молодости Брюсов был антиобщественником.

Рассказанный мною факт из его студенческих времен мне хотелось бы довести до сведения его будущих биографов.

5

В КАБИНЕТЕ БРЮСОВА

В своей автобиографии Брюсов говорит: «Я был всенародно предан «отлучению от литературы», и все журналы оказались для меня закрытыми на много лет... Последнее обстоятельство <...> я считаю весьма благоприятным для себя. Оно не только позволило, но заставило меня работать вполне свободно: я не должен был приноравливаться ко вку-

сам редакторов, ибо все равно ни один из них не принял бы меня в свое издание, а ко вкусам публики мне было приспособливаться бесполезно, ибо она все равно была уверена, что все, подписанное моим именем, — вздор»¹⁵.

Как раз в это время я бывал у него на Цветном бульваре, в тесном, заваленном книгами кабинете. Из книг некоторые своим видом красноречиво свидетельствовали об особом пристрастии к ним их хозяина. Помню в руках у Брюсова книгу стихов любимого им Александра Добролюбова «*Natura naturans, Natura naturata*»¹⁶. Она была чиста и не запачкана, но растрепалась и расшаталась до того, что каждый лист легко повертывался кверху ногами, а все листы вместе казались ожерельем, нанизанным на длинные растянувшиеся брошюровочные нитки. Много было французских поэтов, даже второстепенных. Помню только что полученную книгу стихов французского поэта Кана¹⁷.

Все свежее, новое, смелое и по тому самому еще не получившее всеобщего признания или даже гонимое, всегда находило в Брюсове сторонника. Чехова тогда еще многие, с легкой руки Михайловского, бранили, называя «безыдейным писателем»; с сочувствием и уважением говорил Брюсов о Чехове. Художественный театр только еще начинал приобретать симпатии; мы с Брюсовым были усердными его посетителями. Помню, как на первом представлении «Антигоны»¹⁸ Брюсов подошел ко мне и начал декламировать наизусть по-гречески огромные куски из трагедии Софокла.

Но чаще всего в кабинете Брюсова разговор шел о поэзии. Иногда Брюсов читал стихи Метерлинка, Тютчева, Баратынского. Стихи читал он тогда очень хорошо, позднейшая его манера, более декламационная, мне меньше нравилась.

До сих пор тютчевские строки:

О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность¹⁹ —

звучат для меня в брюсовских интонациях. Но всего вдохновеннее — и в связи со сказанным понятно почему — продекламировал он раз стихи Майкова. Сидели мы втроем — я, Брюсов и Жураковский, начинающий литератор, издавший одну книгу критических статей «Симптомы литературной эволюции»²⁰.

Жураковский жаловался на невежество и нечуткость литературных заправил в вопросах художественности. Брюсов вместо утешения встал и начал из Майкова:

И ангел мне сказал: иди, оставь их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там огонь лампы,
Тебе поверенный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут истины и света пожелают,
Им было б чем свои светильники возжечь²¹.

Эти стихи я вспомнил, когда впоследствии прочел у Брюсова:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры²².

Таким я знал и любил Брюсова. Здесь кончается «Брюсов-студент».

6

А потом я его разлюбил.

Это произошло так.

Однажды я приглашен был к одному мало мне знакомому человеку, который собирался тогда издавать какой-то журнальчик. Он просил моего сотрудничества. Дело не выгорело, ни одного номера этого журнальчика не вышло, но на собрании у этого человека я встретился с Брюсовым. Тогда только что было получено известие о покушении студента Карповича на министра Боголепова²³. Врачи склонны были первоначально признать рану не опасной. Один из присутствующих, только что прибывший из северной столицы, передавал некоторые подробности. Министр, когда его уложили в постель и спросили, как он себя чувствует, указал на шею и прошептал: «Щекочет, щекочет...» Кому-то из присутствующих это показалось очень забавным. Начались шутки, балагурство. Брюсов, вмешавшись, вернул собравшихся к серьезному тону.

«Я давно уже, — сказал он, — постоянно слежу по газетной хронике за убийствами и прихожу к выводу, что люди, к сожалению, совершенно разучились убивать друг друга».

Этого «к сожалению» я долго ему не мог простить. Я тогда был очень юн и наивен. Хотя я ни в какой мере не был толстовцем, я тогда полагал, что убийство никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть оправдано, что в этом и заключается культура <...>

Конечно, Брюсов был прав. Все, что делаешь, надо делать хорошо. Если необходимо убивать, надо бить без промаха.

Но отчуждение от Брюсова у меня все-таки осталось.

7

Примирили меня с ним Гоголевские дни. К этому времени Брюсов как вождь символизма уже достиг своей цели. Журнал «Весь», которым он руководил, с честью выполнил свою миссию. Этот журнал был и монастырем и вместе с тем крепостью, как бывало в древней Руси. В монастырь стекались отовсюду паломники символизма. Из бойниц монастырских стен обстреливались враги. И вот этот журнал прекращался, потому что, по словам редакции, у символизма не осталось серьезных врагов и бороться было уже не с кем. Но в читательских массах еще многие продолжали считать Брюсова кривлякой-декадентом. Кроме того, завелись у него новые враги, в самих рядах символистов. Начинающие поэты с самолюбием, оскорбленным его неодобрительными отзывами в «Весах» об их стихах, некоторые из представителей другого, мистического толка символистов и т. д. Айхенвальд не поверил в победы Брюсова, очевидцем которых он был: и в противовес тем, кто, как Эллис, склонны были признать Брюсова «великим», — признал за ним одно только величие — «величие преодоленной бездарности»...

Тем не менее скандал во время юбилейной речи Брюсова о Гоголе разразился совершенно неожиданно²⁴.

Конечно, это была лучшая из всех произнесенных тогда речей. Это была попытка познакомить публику с новыми взглядами на Гоголя, взглядами, уже высказанными в печати В. В. Розановым, Мережковским, но мало проникшими в публику. Взгляды эти были развитием давнишнего наблюдения знаменитого профессора А. А. Потебни, что весь «Гоголь вышел из гиперболы». О гиперболизме Гоголя и говорил Брюсов в своей речи. Этот гиперболизм находил он у него не только в творчестве, но и в частной жизни. . . «Гоголь отличался мнительностью и постоянно жаловался на болезни. На вопрос Аксакова, чем он болен, Гоголь отвечал, что

причина его болезни находится в кишках. Это не мешало Гоголю любить хорошо поесть».

Как только произнесена была эта фраза, раздались свист, шиканье, топание ногами, презрительные по адресу Брюсова возгласы и т. д... Долго лектору не давали говорить.

Конец своей речи Брюсов скомкал, читал почти скороговоркой и без всякого выражения. Толпа интеллигентных дикарей и одинокий непонимаемый культуртрегер — Брюсов.

В эти минуты я в душе примирился с Брюсовым. Понял его одиночество даже у достигнутых им берегов.

Не могу не сопоставить с этим другой, позднейший, случай. Года три тому назад в Политехническом музее публика освистала и ошкарала Сергея Есенина за начальные строки «Исповеди хулигана». Брюсов, бывший председателем, с трудом добился относительной тишины. Когда стало можно говорить с эстрады, Брюсов сказал: «Уверю вас, что это самое лучшее стихотворение, которое появилось в русской печати за последние годы». Но как только Есенин стал опять читать, снова начался невообразимый шум. За Есенина вступились другие поэты. Переругавшись с публикой, они заставили Есенина прокричать до конца все стихотворение, хотя вряд ли за общим шумом кому-либо было слышно²⁵.

Тут уж не было трагизма, не было одиночества поэта. Толпе слушателей отвечала толпа поэтов...

8

21 февраля 1914 года у меня в дневнике подробная запись о посещении Брюсова. Расскажу сокращенно: я пришел к Брюсову на 1 Мещанскую с поручением пригласить его к участию в подготавливаемом тогда юбилейном сборнике «Венок Лермонтову»²⁶. Кстати принес ему свою только что вышедшую книгу «Русская лирика»²⁷, первая мысль о которой возникла у меня под влиянием беседы с Брюсовым в ту давнюю февральскую морозную ночь. Начал писать, когда отчаялся дожидаться его работы.

Он с интересом стал просматривать оглавление моей книги. После каждой фамилии он останавливался и высказывал свое отношение. Иногда тут же цитировал их стихи.

«Василий Петров», — прочел Брюсов — и продекламировал несколько строк из Петрова.

«Херасков — Надо, надо говорить о нем. Очень интересный писатель и совершенно неопцененный».

«Державин!» — А знаете ли, что у него есть формы вместо «морей и бурь» — «морь и бурей»? — А вы читали очень хорошую статью о нем в «Софии» (Грифцова)? Что вы о ней думаете?»²⁸

О Нелединском и Капнисте он отозвался небрежно, заметив, что не любит их.

О Каменеве — «Вот этого поэта я мало знаю».

Перед Попугаевым остановился в недоумении: «Совсем не знаю», и спросил меня: «Что это за поэт?»

По поводу Николева продекламировал строчки Пушкина:

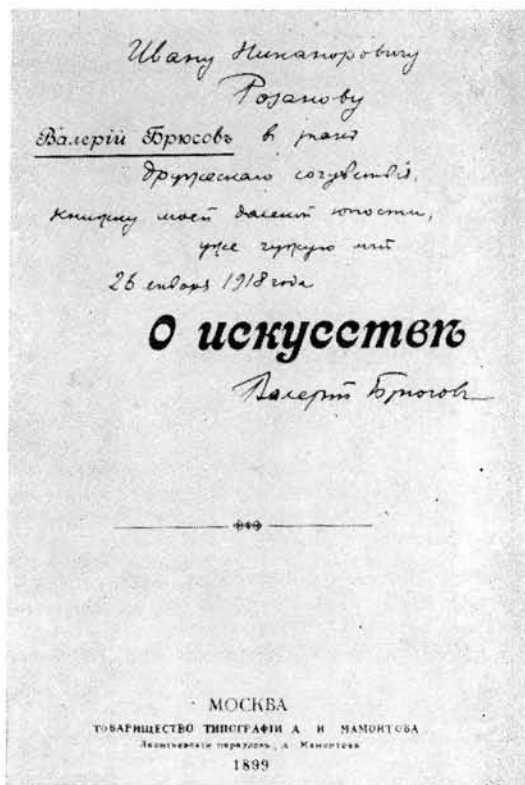
И Николев поэт покойный
И беспокойный граф Хвостов²⁹

Дойдя до Жуковского, он с силой и оживлением стал говорить о нем.

«Надо, надо о нем писать. Ведь нас всех обманули его строчки Пушкину: «Ученику-победителю от побежденного учителя». Мы и поверили. Но ведь это совершенная неправда. Жуковский не был побежден Пушкиным. Пушкин шел по другой дороге...»

«О ИСКУССТВЕ». М., 1899

Титульный лист
с дарственной надписью:
«Ивану Никаноровичу Розанову,
в знак дружеского сочувствия,
книжку моей далекой юности,
уже чужую мне. 26 января 1918 года.
Валерий Брюсов»
Собрание К. А. Марцишевской,
Москва

По поводу участия в «Венке Лермонтову» Брюсов заметил, что очень любит Лермонтова, но только что написал статью о нем для издания Калаша³⁰ и теперь пришлось бы повторяться.

Потом за чайным столом мы еще долго говорили о разных поэтах. Валерий Яковлевич очень бранил Теплякова, на стихотворения которого Пушкин написал сочувственную рецензию, очень хвалил Вяземского, а из совсем забытых хвалил поэта 30-х годов Трилунного.

9

ЮБИЛЕЙ

Юбилей Брюсова в Академии художественных наук. Юбилей жизни, а не деятельности — это мало учитывалось говорившими. Речи меня не трогали. Я не узнавал в них «своего Брюсова», таким, каким его знал и любил. Говорили о Брюсове для всех, Брюсове — авторе книг. Притом, как принято, только хвалили — участь, которую юбиляры разделяют с покойниками.

«Это несут регалии на подушках», — заметил я своему соседу.

И я вспомнил Брюсова в Гоголевские дни, освищенного за то, что говорил о Гоголе то, что действительно думал, а не то, что принято говорить на юбилеях; вспомнил продолжительную травлю, которой он подвергался в молодости; вспомнил айхенвальдовское определение «преодоленная бездарность», раздавшееся в те годы, когда Брюсов был в зените своих творческих сил.

Вспомнил — и как же поразила меня ответная речь Брюсова, начинавшаяся строчками Фета:

Нас отпевают. В этот день
Никто не подойдет с хулою³¹.

И опять он мне стал дорог, дорог тем, что выступил не так, как принято, что возражал своим апологетам, наконец, тем, что закончил свою речь четверостишием, которое из всего Фета самое мое любимое:

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду ³².

<1924>

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Строки из неопубликованного стихотворения Розанова, датированного 21 сентября 1917 г.:

Как хорошо не быть знакомым,
Но перекинуть легкий мост,
Мечтать о разном, сидя дома,
Но слушать вместе песни звезд!
Встречаться только на вершине,
Где ослепительны снега,
И знать, что дали вечно сини,
Что недоступны берега!
Порой дерзать и ждать отплытий,
Но помнить твердо и всегда,
Что нет меж нами темных нитей,
Где пыль осела и вражда.

Исследователь и знаток русской лирики, Розанов сам хорошо владел рифмой и ритмикой, писал легко и свободно; его перу принадлежит множество лирических и шуточных стихов. В 1915 г. под псевдонимом Ев. Лаурин вышел сборничек его стихов «Только о ней» (М., тип. О. Л. Сомовой). Затем, уже под своей фамилией, он выпустил второй сборник стихов «Призраки звезд» (М., тип. «Реклама», 1916).

Приведенное стихотворение находится в рукописной тетради, озаглавленной «Стихи о незнакомстве» (хранится в архиве Розанова). Под этим названием собрано шесть стихотворений; первое датировано 27 ноября 1916 г., предпоследнее — 29 июня 1919 г., на последнем даты нет. На обложке тетради — домашний псевдоним автора ИЭНЭР; слева — рисунок пером: зимний пейзаж, занесенная снегом деревянная пёрковь, старая ель, голые деревца.

² Это происходило, по-видимому, в феврале 1897 г., когда Розанов был студентом не первого, а второго курса Московского университета (о времени знакомства с Брюсовым см. также примеч. 7).

³ Зачетное сочинение о Лейбнице Брюсов писал в 1897 г. для семинарских занятий по философии у проф. Л. М. Лопатина (1855—1920).

⁴ Имеется в виду брошюра Ю. И. Айхенвальда «Валерий Брюсов. Опыт литературной характеристики». М., «Заря», 1910 (вошла в книгу Айхенвальда «Силуэты русских писателей», т. III, 1910).

⁵ В газете «Русские ведомости» (1916, № 259, 9 ноября) была опубликована резко отрицательная рецензия В. Ходасевича «Сахарный Пушкин» на книгу Ю. Айхенвальда «Пушкин» (2-е изд. М., 1916). По мнению рецензента, творчество Пушкина предстает в толковании Айхенвальда искаженным и порой бессмысленным: «Так шаг за шагом, с сиропом, с обильным сиропом», пересказывая Пушкина своими словами, комментируя его набившими оскомину историко-литературными сравнениями, открывая Америку за Америкой, дробя и мельча колоссальные создания поэта, заменяя общие суждения общими местами, в тысячный раз повторяя всем надоевшие сравнения Пушкина с эхом и т. д. и т. д. — умиленно-слащавым голосом говорит г. Айхенвальд о великом поэте».

Выражения «пересахаренный Пушкин» в статье нет, но оно правильно передает общий тон рецензии, как она запомнилась Розанову.

⁶ Доклад Брюсова был прочитан 28 февраля 1924 г. на заседании Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности, состоявшемся на квартире у Н. Н. Фатова. Записав об этом в своем дневнике, Розанов перечисляет лиц, принявших участие в обсуждении доклада: П. Н. Сакулина, Н. К. Гудзия, С. В. Шувалова, И. И. Гливенко, Б. М. Соколова и себя. Доклад читался Брюсовым и в кабинете поэтики Литературно-художественного института. Статья «Левизна Пушкина в рифмах» была опубликована в журн. «Печать и революция», 1924, кн. 2.

⁷ 15 февраля приходилось на субботу в 1897 г. Таким образом, следующая фраза Розанова о Брюсове — «Мое знакомство с ним» — должна быть отнесена именно к этой дате. Однако за три месяца до этого, 18 ноября 1896 г., произошла их встреча в день студенческой демонстрации (см. наст. том, стр. 764—765 и примеч. 12).

⁸ Борис Александрович *Фомт* (1875—1946) — философ, профессор Московского университета. Автор комментированных переводов Канта, Аристотеля, Гегеля.

⁹ Давид Викторович *Викторов* (1874—1918) — студент, позднее приват-доцент Московского университета по кафедре философии.

¹⁰ Владимир Агафонович *Кильчевский* (1873—?) студент Московского университета, участник литературного кружка.

¹¹ Сходные мысли Брюсов излагал в письме к В. К. Станюковичу от 22 июня 1896 г. (см. наст. том, стр. 740).

¹² И. Н. Розанов допускает здесь неточность: демонстрация, о которой он пишет, происходила не в годовщину Ходынки, а 18 ноября 1896 г., через полгода после трагических событий. В этом месяце «Рабочий союз» обратился к московским студентам с воззванием, в котором призывал не ограничивать студенческое движение академическими требованиями, а присоединиться к борьбе рабочих. В ответ на это «Союзный совет», в котором активную роль играл В. В. Воровский, призвал студентов явиться 18 ноября на Ваганьковское кладбище, где были похоронены жертвы Ходынской катастрофы, «и своим присутствием выразить, с одной стороны, сочувствие жертвам небрежности администрации, а с другой — протест против существующего порядка». Несмотря на аресты, произведенные накануне, утром 18 ноября более 500 студентов направились к Ваганьковскому кладбищу. Остановленные полицией, они повернули к университету, но там были оцеплены и загнаны в манеж. Переписав всех участников демонстрации, полиция арестовала 26 человек. Ночью охранное отделение арестовало еще 56 студентов. В дневниках Розанова 1920-х годов сохранилась запись, обведенная карандашом: «1896 год. Мое присоединение к арестованным. Валерий Брюсов». По всей вероятности, эта запись была сделана в период работы над воспоминаниями о поэте.

¹³ Александр Николаевич *Шварц* (1848—1915) — профессор греческой словесности в Московском университете с 1884 по 1900 г. В 1908—1910 гг. министр народного просвещения, проводивший реакционные меры в области средней и высшей школы.

Интерполяция (лат.) — вставка позднейшего происхождения, введенная исследователем или комментатором какого-либо текста.

¹⁴ Педель (нем. *Pedell*) — надзиратель, следивший за поведением студентов в высших учебных заведениях дореволюционной России.

¹⁵ *Автобиография*, стр. 110.

¹⁶ «*Natura naturans. Natura naturata*» («Природа творящая. Природа сотворенная», 1895) — первая книга стихов Александра Добролюбова.

¹⁷ Гюстав *Кан* (1859—1936) — французский поэт и романист. В начале деятельности был близок к символистам. Впоследствии изменил своим эстетическим теориям. О его эволюции писал Брюсов в статье «Научная поэзия»: «Гюстав Кан, который на заре своей деятельности также был учеником Малларме, подражал учителю в изысканности и ищущести языка и держался самых «левых» эстетических теорий, — быстро перешел ко взглядам общепринятым и к самой обиходной прозе, той, которую Верлен клеймил когда-то названием «литературы» («Русская мысль», 1909, № 6).

¹⁸ Этот спектакль, состоявшийся 12 января 1899 г. в Москве в Художественном театре, был первым представлением трагедии Софокла на профессиональной сцене в России. Пьеса шла в переводе Д. С. Мережковского, ставил ее режиссер А. А. Санин.

¹⁹ Заключительные строки стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (1853).

²⁰ Книга Евгения Дмитриевича Жураковского «Симптомы литературной эволюции. Критические очерки» вышла в Москве в 1903 г. В 1907 г. он опубликовал «Конспективный курс истории всеобщей литературы», а в 1910 — «Краткий курс лекций по эстетике» и «Краткий курс истории русской живописи XIX века».

²¹ Брюсов прочитал полностью стихотворение А. Н. Майкова «Пустынник» (1870).

²² Из стихотворения «Грядущие гунны» (1905).

²³ Николай Павлович *Боголепов* (1847—1901) — реакционный государственный деятель. Юрист по образованию, профессор римского права в Московском университете, в 1898—1901 гг. министр народного просвещения. Находясь на этом посту, отличался жестокостью в подавлении студенческих волнений. При Боголепове были уволены за «вредное направление» многие профессора, закрыто Московское юридическое общество. В январе 1901 г. царские власти, применив «Временные правила» 1899 г., отдали в солдаты за участие в сходке 183 студента Киевского университета. Это проявление дикого произвола вызвало возмущение в самых широких кругах русского общества. Волна студенческих забастовок и демонстраций прошла во многих городах. 14 февраля 1901 г. Боголепов был тяжело ранен исключенным из университета студентом П. В. Карповичем; умер он 2 марта того же года.

²⁴ В 1909 г. Россия отмечала 100-летие со дня рождения Н. В. Гоголя. 27 апреля, на второй день Гоголевских праздников, в Большом зале Московской консерватории состоялось торжественное заседание Общества любителей российской словесности. На нем выступил с речью о Гоголе Брюсов. Вот как сообщается об этом в юбилейном сборнике Общества любителей российской словесности: «В своей оценке творчества оратор разошелся с обычным взглядом на Гоголя, как на писателя-реалиста, дававшего в своих произведениях верное и точное изображение современной русской жизни. Гоголь, как писатель, был, по мнению оратора, великим фантастом в роде Гофмана и Эдгара По. Главной, преобладающей чертой его творчества было пристрастие к гиперболизму, стремление к безмерному и беспредельному <...> Во время речи г. Брюсова произошел прискорбный инцидент, несколько нарушивший общее торжественное настроение. Некоторые лица, быть может, не совсем верно понявшие мысль оратора и усмотревшие в словах его выражение неуважения к памяти великого писателя, стали громко выражать свое неудовольствие шиканием и криками «довольно»; другая часть публики ответила на это рукоплесканиями и возгласами: «просим продолжать!» Когда шум, вызванный этим инцидентом, затих, г. Брюсов спокойнo окончил свою речь» (Гоголевские дни в Москве. Общество любителей российской словесности. М., 1910, стр. 89—90). О речи Брюсова см. также в воспоминаниях С. В. Шервинского (*Чтения 1963*, стр. 493—494) и Мариэтты Шагинян («Новый мир», 1973, № 5, стр. 170—172).

²⁵ Есенин выступал на вечере поэтов различных поэтических школ и направлений, который состоялся в Политехническом музее 17 октября 1921 г. В воспоминаниях Розанова о Есенине этот эпизод и роль Брюсова в нем излагается более подробно: «Аудитория Политехнического музея в Москве. Вечер поэтов. Духота и теснота. Один за другим читают свои стихи представители различных поэтических групп и направлений <...> Публика явно утомилась и ищет повода пошуметь. Пахнет скандалом. Председательствует сдержанный, иногда только криво улыбающийся Валерий Брюсов. Очередь за имажинистами. Выступает Есенин. Начинает свой «Сорокоуст». Уже четвертый или пятый стих вызывает кое-где свист и отдельные возгласы негодования. В стихах этих речь идет о блохах у мерины. Но когда поэт произносит девятый стих и десятый, где встречается слово, не принятое в литературной речи, начинается свист, шиканье, крики: «Довольно!» и т. д. Есенин пытается продолжать, но его не слышно. Шум растет. Есенин ретируется. Часть публики хлопает, требуя, чтобы поэт продолжал. Между публикой явный раскол. С неимоверным трудом, при помощи звукового и зычного голоса Шершеневича председателю удается наконец водворить относительный порядок. Брюсов встает и говорит: «Вы услышали только начало и не даёте поэту говорить. Надеюсь, что присутствующие поверят мне, что в деле поэзии я кое-что понимаю. И вот я утверждаю, что данное стихотворение Есенина самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последние два или три года» (сб. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., «Московский рабочий», 1965, стр. 293—294).

²⁶ Юбилейный сборник «Венок М. Ю. Лермонтову» вышел в 1914 г. (М.— Пг., изд. В. В. Думнова).

²⁷ И. Н. Р о з а н о в. Русская лирика. От поэзии безличной — к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. М., «Задруга», 1914. Эта книга вызвала положительный отзыв Брюсова: «...Только история поэтических форм и поэтической формы может дать истинную историю поэзии. До сих пор в этом направлении сделано еще очень мало. Исследования едва начинаются. <...> Как одна из первых попыток проложить пути в этой области, которой предстает величайшее будущее, нам особенно и дорога книга И. Розанова <...> Самый факт, что И. Розанов обратил внимание на эту сторону дела, подверг серьезному анализу форму стихов и сопоставил поэтическую технику отдельных поэтов, очень ценен. Этим работа И. Розанова решительно выделяется из числа других историко-литературных исследований, которые по большей части не дают нам ничего, кроме данных биографических и исторических, что можно было бы назвать научными фактами» (журн. «София», М., 1914, № 6).

²⁸ Борис Александрович *Грифцов* (1885—1950) — литературовед, искусствовед, переводчик. Его статья «Державин» опубликована в журн. «София», 1914, № 1.

²⁹ Строки стихотворения «Из письма к В. Л. Пушкину», в котором высмеиваются литературные недруги «Арзамаса».

³⁰ Брюсов написал вступительную статью ко второму тому иллюстрированного Полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова под ред. В. В. Каллаша (М., «Печати», 1914).

³¹ Начальные строки стихотворения А. Фета «На пятидесятилетие музы» (1888). Стихи написаны в связи с пятидесятилетним юбилеем творчества поэта.

³² Из стихотворения «Еще люблю, еще томлюсь...» (1890).